

Ольга Романова

БУТЫРКА

ТЮРЕМНАЯ
ТЕТРАДЬ

АНТЕННА
проект Данишевского
ВИНОУТКИ

Ангедония. Проект Данишевского

Ольга Романова

Бутырка. Тюремная тетрадь

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова О. Е.

Бутырка. Тюремная тетрадь / О. Е. Романова — «АСТ»,
2016 — (Ангедония. Проект Данишевского)

ISBN 978-5-17-097720-8

Я была успешной телеведущей – в те времена, когда смотреть телевизор не было делом зазорным. Мой муж Алексей Козлов был успешным предпринимателем – со всеми атрибутами стиля, которого мы сейчас стеснялись бы. Все закончилось в один день, когда в нашу жизнь вошла тюрьма. Закончились внезапно друзья, связи и даже родственники. Закончились деньги, успех и новые платья. Начались тюремные очереди, поиск адвокатов, передачи, судебные заседания, путешествия по ближним и дальним зонам страны. Мы боролись – и победили. Мы встретили много прекрасных и удивительных людей по обе стороны колючей проволоки, которые страдали, любили, шутили, помогали друг другу. Мы попытались сохранить их в своей жизни, не упустить ни одного – так родилось движение «Русь Сидящая», которое старается помочь людям, которые столкнулись с неизвестным, непонятым, страшным. Вы сейчас держите в руках тюремные дневники, которые мы вели одновременно: Алексей в тюрьме, я на воле. Мы писали друг для друга, чтобы знать, понимать, прочувствовать и сохранить. Скоро стало понятно, что дневники надо публиковать. Я боялась, повторяя привычное, российское, тюремное: «Как бы хуже не было». Муж убедил меня, что хуже не будет, и был прав. Но я ведь тогда не знала этого, поэтому ни в Бутырка-блоге, ни в первом издании дневников не было его имени. Срок, который изначально получил Алексей, должен был закончиться в 2016 году – восемь лет. Алексей давно на свободе, работает и помогает мне в «Руси Сидящей». И мы хотим вам сказать только одно: ничего не бойтесь. Не предавайте себя, боритесь. Тюрьма – не конец, тюрьма может стать началом другой, прекрасной жизни, в которой не будет места ничему лишнему. Стыдному и зазорному.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097720-8

© Романова О. Е., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Немного про то, как все начиналось, и что было после	7
Бизнес за решеткой: дневник арестованного предпринимателя	9
Бутырка. СИЗО № 2, или ФБУ ИЗ 77/2 УФСИН РФ по г. Москве.	12
Не могу понять, как можно так долго ничего не делать	13
Опер: «Не придумаешь показания – не выйдешь»	14
Еще лет пять придется провести в тюрьме	16
Переехали в другую камеру – опять окно без стекол	17
Нас четыре человека: три убийцы и я	18
За 85 000 руб. оперчасть забыла обо мне навсегда	19
Списки прихожан утверждает лично начальник тюрьмы	20
Конвой исполняет ресторанный заказ, добавляя комиссию	21
За 1000 руб. тюремный врач примет в любое удобное для вас время	22
Сокамернику предложили сделку: сдай 2 млн евро и выйдешь через 2 года	24
Первое, что просит убрать подальше генерал, – это книги	26
«Получена установка – положенцем в Бутырке грузин не будет»	28
Через полтора года следствие определилось, в чем меня обвинить	30
Спасибо коррупции: сокамернику удалось вставить стекла на зиму	32
Причина ухудшения условий – месть коллег арестованного милиционера	33
Нас не нагонят	34
В тюрьме не чувствуется дыхания кризиса, но видна вся фальшь чиновников	35
В Новый год у меня самое теплое одеяло на централье	37
В Бутырке телефонов больше нет, поэтому отключили глушилки и стало лучше слышно	38
Не договорились с генералом по долларам	40
Визит Первого канала и Общественной палаты: «У вас все должно быть хорошо»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ольга Романова

Бутырка

© Романова О. Е.

© ООО «Издательство АСТ»

Немного про то, как все начиналось, и что было после

Этот блог, который стал книгой, мы писали вместе с мужем, Алексеем Козловым. Его имени нет в книге – мы писали практически в режиме прямого эфира и не были уверены, что его имя надо раскрывать. Да и мое тоже. Сначала это просто был «дневник мужа» и «дневник жены».

Муж сидел в тюрьме, дневник был начат летом 2008 года. В марте 2009 года прокурор попросил для моего мужа 12 лет лишения свободы. Приговор был – 8 лет. В сентябре 2011 года Алексей Козлов вышел на свободу. Как быстро выяснилось – очень ненадолго, на четыре месяца. Его снова посадили, было много испытаний и приключений, о которых мы и не думали, когда начинали публиковать дневник. В итоге он окончательно вышел на свободу в июне 2013 года, в общей сложности Алексей провел в тюрьме чуть меньше 5 лет.

Решение публиковать дневник принимал Алексей в самом начале своих судебно-тюремных злоключений. Это было очень ответственное и мужественное решение. Я приняла его, хотя сильно просила все взвесить: к тому времени мы оба понимали, чем это может обернуться – прежде всего для него, конечно. Все то, чего мы опасались (точнее, я – Алексей был уверен), все это случилось – то, что можно коротко описать известным выражением «оказывалось серьезное давление». Алексей решил, что это надо просто пережить, просто продержаться несколько месяцев, и оказался прав.

В книгу вошли только самые первые годы нашей тюремной жизни – со всеми нашими ошибками, которые совершают многие. Правда, мы ухитрились почти не наломать дров: сказалось наше финансовое образование, а также элементарные (тогда) юридические познания, но главное – нестигаемый и упрямый характер Алексея, не слишком удобный в семейной жизни, но оказавший решающее влияние на его тюремную стратегию поведения.

Тогда же, когда писалась эта книга, возникло сообщество, которое чуть позже выросло в общественное движение «Русь сидящая», а потом и в Благотворительный фонд помощи осужденным и их семьям. И движение, и фонд действуют и развиваются, теперь там есть небольшой штат сотрудников с богатым жизненным опытом и яркой биографией, и сотни волонтеров, прекрасных, добрых и активных людей. А начиналось все с того, что женщины, чьи мужья оказались в тюрьме, стали встречаться после своего необычного трудового дня, проведенного в тюремных очередях и в судах, и делиться друг с другом новыми знаниями. Мы помогали друг другу, вместе ходили на суды, потому что быстро поняли: сидеть в зале одной, лицом к лицу с российским правосудием, видеть в клетке своего родного человека – невыносимо. С каждым днем к нам присоединялись все новые и новые женщины – да, у тюрьмы женское лицо – и мы могли их научить тому, что узнали сами, и помочь.

С нами всегда был один мужчина, Игорь, он пытался спасти свою жену, которая работала бухгалтером и отказалась оговаривать обвиняемых в экономических преступлениях владельцев компании. Ей тогда дали 16 лет, ей было 47. Но все закончилось хорошо. Была – и осталась – Лора, которую мы зовем Немезидой, потому что она не только спасла своего мужа после трех лет тюрьмы, но и в течение многих лет добивалась и добила разоблачения и суда над фабрикантами дела против ее мужа. К нам быстро присоединились адвокаты – лучшие из лучших, те, что работают не за деньги, а за совесть. Этот самый первый костяк и сейчас с нами, это, конечно, братство.

Мы не знаем, сколько историй и сколько семей прошло с тех пор через «Русь сидящую», мы не ведем подсчетов, потому что числа важны для статистики, но не для человеческой судьбы. Кому-то мы смогли существенно помочь, кому-то облегчили жизнь, в каких-

то случаях мы разве что смогли утереть слезу. Случаев, от которых мы отказывались сразу, немного. Было одно дело, которое я не забуду никогда, оно связано с реальным насилием над детьми – мы тогда отправили жену насильника к хорошему священнику, он помог ей справиться с тем, с чем многие не смогли бы жить. И еще есть с десятков дел, за которые мы не брались, потому что обратившиеся родственники параллельно пытались «договориться по хорошему», то есть давать взятки. Мы понимаем. Часто это кажется единственным выходом. Иногда – крайне редко – это работает. Но это другой путь. Не стоит по нему идти.

И по прошествии всех этих лет я вам твердо могу сказать одно: боритесь. Не сдавайтесь. Не сдавайтесь никогда. Это работает.

И вот еще что. Мы с Алексеем много говорили и говорим о том, что очень благодарны судьбе. Благодарны за то, что в нашей жизни была тюрьма. Конечно, русская тюрьма – это зло, там не исправляют, не дают шанса, там ломают людей. Но это позволило нам круто изменить собственную жизнь. Разобраться, кто тебе друг, а кто нет – ведь если б не было тюрьмы, мы знать не знали бы об этом, а может быть, и не задумывались. Теперь мы уверены, на кого можем положиться. А главное – мы можем положиться друг на друга. Тюрьма дала нам радость и гордость от общения с людьми, которых мы никогда бы не встретили и которые теперь с нами навсегда. Это люди из самых разных социальных слоев, разных национальностей и занятий, разных возрастов, которых объединяет одно: они не сломались. А те, что сейчас вынуждены проходить этот тяжелый путь, им, быть может, достаточно будет самой маленькой поддержки, чтобы они выстояли и вернулись к нам сильными, добрыми и здоровыми людьми, готовыми к счастью.

Тюрьма – это не конец. Быть может, тюрьма – это только начало. Если вы этого захотите.

На этом месте принято писать благодарности, и я сделаю это: спасибо всем, кто читал и будет читать эту книгу. Значит, вам это небезразлично. Одного этого бывает достаточно для первого шага: попытаться узнать об этом, помочь невинным, выслушать искалеченных судьбой или обществом. Ценить и беречь свободу.

Бизнес за решеткой: дневник арестованного предпринимателя

Дневник был начат 25 августа 2008 года, почти через месяц после ареста. Тогда же, в конце августа, арестант написал обо всем, что с ним происходило с момента ареста до начала ведения дневника в режиме реального времени. Предприниматель А. теперь уже на свободе. Дневник публикуется с его согласия. В дневнике также содержатся наблюдения и размышления многих бизнесменов, а также чиновников, оказавшихся в той же ситуации. Орфография и стилистические особенности оригинала сохранены.

В офис явились люди в штатском (то ли 4, то ли 5 человек) и попросили проехать с ними в Следственное управление МВД РФ на Газетный переулок. На вопрос – почему в их сопровождении – прозвучал стандартный ответ: Вас вызывали на вчера, а Вы не явились. В подтверждение этих слов показывается какой-то листок бумаги с указанием моей фамилии и датой, 28 июля, и тут же исчезает во внутреннем кармане сотрудника МВД и больше нигде не фигурирует. Старший сотрудник МВД отбирает мобильный телефон, объясняя, что мне его отдаст следователь (полнейший обман), и мы направляемся к выходу. 10 минут сотрудник МВД остается на месте, ожидая опергруппу, которая будет проводить обыск.

По дороге к лифту я достаю из внутреннего кармана второй мобильный телефон и успеваю сделать один звонок – жене. Я предупреждаю, что задержан. При этом убираю телефон обратно в карман и обещаю больше не звонить.

У входа нас поджидает новенький седан «Инфинити», явно личный автомобиль кого-то из сотрудников МВД. Я предлагаю поехать на моей машине, тем более, что там находится мой паспорт. Мне говорят, что документы не нужны – и мы уезжаем.

Встреча со следователем производит неизгладимое впечатление. Верх цинизма. Мне объясняют, что за шесть дней руководства следственной группой она (следователь) полностью разобралась в сути моего дела (следствие к этому времени шло уже больше года) и приняла решение о моем задержании. На мой вопрос, почему бы меня сначала не допросить, и как, не видя и не зная человека, можно принимать столь серьезные решения, следователь закатывает глаза кверху и говорит, что это не ее решение.

Как выяснилось позже, в тюрьме, это сейчас своеобразный госстандарт. По заказным делам следствие идет около одного года, затем идет замена следователя на «попку» и через несколько дней он выносит решение об аресте. Практически все руководители компаний, которых я встречал в тюрьме, были арестованы по этому сценарию.

Далее у меня состоялся разговор «по душам» со следователем. Она взяла шпаргалку, написанную заказчиком моего дела (это было слишком очевидно), и начала задавать вопросы, параллельно изучая содержание моего мобильного телефона. При этом следователь пыталась убедить меня быть предельно откровенным, так как этот разговор без протокола и, возможно, меня отпустят. Эту чушь и ложь было смешно слушать, так что разговор не сложился. Попытка начать допрос официально тоже не удалась, так как выяснилось, что следователь не может установить мою личность без паспорта, а я отказался давать показания без адвоката, которого никто не предупреждал.

Возникла пауза, во время которой следователь долго рассказывала мне, что все адвокаты сволочи, их цель – заработать как можно больше денег. Единственный истинный друг обвиняемого – это следователь. Все ее подследственные, освобождаясь, чуть ли цветы ей дарят и благодарят за прекрасно проведенное время. На мой вопрос о наличии у нее эко-

номического образования (все-таки полковник СК МВД, зам начальника отдела экономических преступлений) последовал ответ, что она юрист.

Далее последовал допрос, осмотр моих личных вещей, в результате которого ни флэшки, ни еще один телефонный аппарат обнаружены не были. Уже ближе к 23.00 меня доставили в изолятор временного содержания на Петровку, 38.

На следующий день состоялся так называемый суд об избрании мне меры пресечения. Суд Тверской, а правосудие Басманное. Как утверждают адвокаты, следователь лично печатала постановление суда об избрании мне меры пресечения еще до начала заседания. Им даже удалось заснять это на камеру мобильного телефона.

Представителя Генеральной прокуратуры особо не волновал исход дела. Он обсуждал по своему телефону-коммуникатору Nokia ценой около \$1000 что-то очень веселое, постоянно поглядывая на свои часы Rolex Submariner зеленого (редкого) цвета.

Суд был короток, аргументация следствия, что я могу скрыться, была подкреплена железобетонным аргументом – наличием загранпаспорта. При этом следователь отказалась в присутствии судьи этот загранпаспорт изъять у моих адвокатов. Судья этого предпочла не заметить.

Далее – обратно на Петровку, 38, в сопровождении трех бойцов тюремного спецназа, ребят, которые прошли Чечню и были, пожалуй, единственными профи со стороны моих оппонентов. Всю дорогу они откровенно скучали, не понимая, почему ими «усилили» эмвэдэшных оперов (видимо, потому, что те разучились управляться втроем против одного). На мой вопрос о необходимости использования спецназа следователь ответила, чтобы я благодарил ее за то, что меня вчера брал не ОМОН или СОБР, а опер. Я предпочел бы, чтобы следователя отблагодарили наши налогоплательщики.

Вообще, следователь мне попался нервный, хамоватый и не умный. Узнав, что у зала суда дежурит TV, она в истерике прокричала мне перед выходом, что если ее фамилия прозвучит в прессе, то она не даст мне свидания с женой. На этот момент адвокаты вместе с женой покинули зал, а обращение следователя было направлено к жене. Я обратил на это внимание следователя. Тогда она прокричала – Вы передайте это жене, иначе не дам свидания. Я попросил у нее мобильный телефон (так как был лишен средств связи еще за день до этого), чтобы переговорить с женой. На этом истерика закончилась, так как телефон мне никто давать не захотел. В итоге «серая мышь» следователь не заинтересовала никого. Тем не менее, свидания она нам так и не дала.

На Петровке я сидел недолго, всего пять дней. Сокамерник мне попался бывалый, за 50, четыре ходки, все за убийства. Первая в 16 лет. Как он мне сказал о себе, «лучше всего я умею одно – убивать». За время нашего общения он мне рассказал кучу баек из тюремной и лагерной жизни. Никаких движений в ИВС нет. Трехразовое питание и общение с сокамерниками. Мне повезло дважды. Во-первых, мой сокамерник более чем за 20 лет отсидки много прочитал и с ним можно было обсуждать вопросы истории и астрономии. Во-вторых, моей жене удалось передать мне на следующий день передачу, в которой были книги! И нормальная еда и одежда. Книги стали моими лучшими друзьями в тюрьме.

Комфортная одежда тоже играет важную роль. В тюрьме вообще самое важное – организация быта. Поскольку я заехал в ИВС в костюме, мне было комфортно получить джинсы и все такое. Сокамерники смотрят на костюмы как на космические аппараты. Один мой нынешний друг и коллега по несчастью заехал на Петровку не только в костюме, но еще и в рубашке с запонками. Попался ему такой же, как мне, бывалый сокамерник – кавказец, которому он подарил свою рубашку и костюм, когда получил джинсы (так как хранить и гладить костюмы негде). Реакция сокамерника была своеобразной: поблагодарив за подарок «Kitonджан», он покрыл трехэтажным матом козлов-ментов, которые, по его мнению, отпорили у рубашки пуговицы на манжетах.

В Бутырку я попал 4 августа, в понедельник. Попасть должен был в СИЗО № 5, но следователь, пытаясь осложнить мое общение с адвокатами и родственниками, в последний момент изменила свое решение. На прямой вопрос следователю адвокатов и жены – где наш подзащитный, она разводила руками – дескать, не знаю. Каково же было удивление адвокатов, когда в ответ на депутатский запрос МВД официально ответило, что в Бутырку (или СИЗО № 2 или Из 77/2) я был помещен по прямому указанию следователя. Как я понимаю сейчас, сделано это было по нескольким причинам: во-первых, чтобы мои близкие не успели договориться с руководством той или иной тюрьмы о помещении в нормальные условия. Дальнейшие перемещения внутри тюрьмы, конечно, возможны, но это требует времени. И денег. Как правило, перед доставкой заключенного в тюрьму приезжают опера, которые пытаются договориться с руководством или отдельными сотрудниками СИЗО о том, чтобы обложить арестованного со всех сторон и не дать ему возможности контактировать с внешним миром, а может быть, и прессануть. Во-вторых, понервировать родственников и не дать возможности оперативного контакта с адвокатами.

Бутырка. СИЗО № 2, или ФБУ ИЗ 77/2 УФСИН РФ по г. Москве.

Первое, что поражает, так это отношение к заключенным – априори все, попавшие сюда, виновны. На реплики арестованных, что до суда они лишь обвиняемые, следует стандартный ответ – здесь случайных людей нет, раз попал в тюрьму – значит, виноват.

Антисанитарные условия содержания!!! Словами это описать сложно. Плесень на всех стенах, потолок шелушится. Цвет стен – угнетающе темно-коричневый; трещины, все стены в грязных разводах. В левом углу у окна самодельный православный уголок: иконы, житие святых, библия. Уголок сделан заключенными. Вообще все, что здесь есть внутри человеческого приемлемого: еда, условия (телевизор, холодильник) и другое – это деньги и инициатива заключенных.

При солнечной погоде на улице солнце в камеру не попадает, при этом витамины передавать запрещено! Вода в кране только холодная. В душ водят 1 раз в неделю. Передачи приносят в лучшем случае на следующий день. Сосед по камере, приехав из суда в 14.00, попал в камеру к 22.30, все это время он сидел в одиночном боксе (стакане) без санузла и ждал, когда его проведут 100 метров до камеры. Конвоиры были заняты.

Как выяснилось позже, камера, в которой я сидел, во времена сталинских репрессий предназначалась для приговоренных к расстрелу. Тяжелая атмосфера ощущается здесь и по сей день.

Не могу понять, как можно так долго ничего не делать

25.08.08

«Что в нашей профессии самое сложное?» – спросил один из героев фильма «В бой идут одни старики». «Самое сложное – это ждать», отвечает он же. Что самое сложное в тюрьме? Пожалуй, ждать идет на первом месте. Ограничения передвижений и доступа к любой информации делает распорядок дня очень скудным: подъем, проверка, завтрак, прогулка. На прогулке я стараюсь больше двигаться, лежа на скамейке качать пресс. Далее обед, сон, ужин, телевизор, сон. Слава Богу, есть книги. Передали шахматы и домино.

Когда ложишься спать, остаешься наедине со своими мыслями. Очень тяжело думать о близких. Они так далеко, и ты впервые не можешь до них дотянуться.

Условия содержания в данном перечне лишь на третьем, последнем месте, так как ко всему, кроме первого и второго, человек, на мой взгляд, привыкает.

Не могу понять, как можно так долго ничего не делать.

Интересное наблюдение по поводу российских детективных сериалов (особенно НТВ), так как приходится смотреть их в последнее время много. В основе успеха любого телесериала – подстава, незаконные действия сотрудников правоохранительных органов, шантаж. При этом они – герои. Что пропагандируем, то и получаем. Пример – сериал «Хорошие парни» (ну и название! «Бригада» была бы честнее). Полковник милиции, беседуя со своим подчиненным о причинах, по которым потерпевший имел претензии к сотрудникам МВД, а потом забрал свое заявление, задает подчиненному вопрос: «Ну что, опять шантажировали?». Следует ответ: «В этот раз нет». И это нормально. Есть и другие эпизоды. Начальник на все закрывает глаза, а главный герой при этом хороший парень – офигеть!

Сегодня Мосгорсуд рассматривал кассационную жалобу моих адвокатов по избранию мне меры пресечения. У меня была надежда на объективное, подробное рассмотрение дела. Мой сокамерник сказал мне накануне – пустое дело, это не Мосгорсуд, а Мосгорштамп. Никто ни в чем не будет разбираться. Так и вышло. Суд длился минут 10, не больше.

Из тюремных событий: позавчера у смотрящего за корпусом был день рождения. С воли ему организовали такой салют, что было видно практически в каждой камере даже соседних корпусов.

26.08.08

День прошел без движения. В соседней камере нашли 40 литров браги (камера на 6 человек). Вот это размах!

Опер: «Не придумаешь показания – не выйдешь»

27.08.08

А вот и шантаж! Сегодня приезжал опер из МВД, который меня задерживал. Разговор был конкретным. «Ну что, – сказал он, – мы показали тебе, что ты отсюда не сможешь выйти ни при каких обстоятельствах, пока не дашь интересующие нас показания. А не дашь вообще – сядешь надолго».

Вечером меня вызывает местный оперативный работник, приводит в кабинет, где сидит человек в погонах подполковника – сотрудник Бутырки. Подполковник сообщает, что очень хорошо знаком с опером, который ко мне приезжал из МВД. «Он – хороший парень, и если обещал, что выпустит, так и будет». Я начинаю говорить – ничего не вижу преступного в действиях людей, в отношении которых проявляет интерес опер из МВД. Мне советуют подумать хорошенько, в крайнем случае, придумать что-то. «Ведь они кавказцы (люди, на которых я должен дать показания, по мнению опера), – говорит подполковник, – вполне могут торговать оружием или наркотиками». Я отвечаю однозначно – нет. Тогда он предлагает подумать еще раз: «Ведь условия твоего содержания могут измениться», говорит подполковник. «Здесь тюрьма – всякое может произойти». На этом расстаемся.

Стоит немного больше рассказать о нашей камере. Площадь 15 квадратных метров, первый этаж – окна упираются в 15-метровую красного кирпича стену, поверх которой идет колючая проволока. На стене через каждые 10 метров висят огромные глушилки.

Шесть шконок (кроватей, стоящих одна над другой). Четыре шконки стоят по левой стене, две по правой. По правой стене также располагается умывальник и дальняк (туалет). Стол (или дубок) располагается у окна, посередине между ближайшими к окну шконками. Сесть за стол можно, только сев на шконку. Так что обитатели первых нижних шконок фактически не имеют самостоятельной постели, так как народ кушает и пьет чай практически круглосуточно. Окно находится в левом углу на уровне второй шконки, так что внизу царит полумрак даже в самый солнечный день. Моя шконка слева на втором ярусе, ближе к окну. Это единственное место, где можно читать, здесь относительно светло и ближе к воздуху. Единственный минус – находящаяся прямо над головой лампа дневного света, которую запрещается выключать и днем, и, что самое неприятное, ночью. Я стал накидывать на нее простыню, что хоть как-то делало сон сносным.

В окне нет рам, и, соответственно, стекол. Пока лето – вроде нормально. Решеток две: внешняя и внутренняя. Между решетками (или решками на местном жаргоне) живет кошка, вся в блохах. Блохи прыгают в камеру и кусают в основном ноги. Поэтому я даже в жаркую погоду не снимаю носков. На ноги сокамерников, пренебрегающих носками, больно смотреть.

У стены под окном стоит холодильник, на нем телевизор, так что видно всем. В камере нас 5 человек. На шестой шконке лежат продукты, не вошедшие в холодильник. Трое курят, так что дым стоит коромыслом. Двое заключенных убийцы. В законе есть прямой запрет на совместное содержание с убийцами. Но здесь, как я понял, это делается специально. Для создания конфликтной ситуации.

Убийцы молодые, 21 и 27 лет. Еще двое моих сокамерников за 50. Они по экономическим статьям. Начинается конфликт: не так сели, не так убрали... В результате на камере висит табличка «СК» (спецконтроль). Это значит, что в камере что-то не ладно. К такой камере будут опасаться подходить с коммерческими предложениями сотрудники администрации. Все это происходит с ведома оперчасти тюрьмы. Перед обходом начальника тюрьмы подходит местный опер и предупреждает убийц, чтобы на вопрос о своих статьях отвечали, что сидят за экономические преступления.

Мусор в камере хранится в специальной пластиковой бочке (20-литровой, на местном жаргоне мошка). Выносят его раз в неделю (хотя должны ежедневно). Прямое указание на это начальника тюрьмы своим замам на обходе ни к чему не приводит. Соответственно, много мошки.

Такие условия на местном жаргоне называются заморозка, то есть отсутствие какой-либо возможности для налаживания нормальных человеческих условий. Конфликтная ситуация внутри, особый контроль оперчасти. В качестве примера могу рассказать, что у меня была необходимость срочно заверить доверенность. Так вот, сотрудник, отвечающий за оформление таких документов, появился у камеры через три недели моих ежедневных заявлений. Когда я ему обрисовал проблему и пообещал отблагодарить за расторопность, то он вообще пропал.

Еще лет пять придется провести в тюрьме

07.09.08

Сегодня День города. Посмотрели репортаж по TV.

В принципе, атмосфера в тюрьме располагает к неорганизованности. Часы тянутся долго, особых дел нет (к тому же иметь часы здесь запрещено). Нет динамики. И значит, вокруг трясина. Поэтому приходится придумывать, планировать день по часам, чтобы появлялась в нем осмысленность и главное – ритм.

Тяжело от мыслей, что еще лет пять придется провести в таких условиях, а это 39, а там и 50 скоро. Но желание отстоять свою правду превалирует, заставляет быть собранным до конца.

Болит душа за тех и за то, что осталось на воле. Следствие цинично: либо признание в том, чего не совершал, и возврат к семье в обозримом будущем, либо получишь по полной и потеряешь все. Выбор, который очевиден и порядочен, собственно, единственно возможен в силу отсутствия какого-либо выбора, очень болезнен. Чувствуешь себя убийцей. Это очень гнетет.

В общем, гнетущих мыслей здесь гораздо больше, чем какого-либо позитива.

Надеюсь, что если жизнь рассматривать как зебру, а нынешнюю полосу как черную (а какую же еще?), то объема негатива, который я сейчас получаю, хватит лет до 60. Это, пожалуй, единственная позитивная мысль, которая приходит здесь в голову. Надеюсь, что правда и любовь победит беззаконие и негатив.

10.09.08

Я заметил закономерность: после прихода любых людей, связанных с семьей, или передачи каких-либо личных вещей становится очень тяжело на душе.

Получил сегодня книги, переданные женой. Это тоже было тяжело. Даже переезд из камеры в камеру, который занял больше трех часов, не отвлек от грустных мыслей. Так что остается только ждать. Нет чувства контакта – и захлестнула ностальгия.

Переехали в другую камеру – опять окно без стекол

14.09.08

Закончилась неделя. Если судить по арестантским меркам – неделя удачная. В понедельник был последний солнечный день. Нас отвели в баню и на прогулку! В тюрьме есть правило – если водят в баню (то есть в горячий душ), то в этот день прогулки нет. Но в понедельник было и то, и другое. Впервые нас отвели в угловую камеру для прогулок, где небо было не просто в центральной части камеры, а простиралось вдоль длинной левой стены, что позволило принять солнечные ванны. Вместо обычных 30–40 минут гуляли полтора часа. Повезло, попался хороший офицер.

Во вторник мы неожиданно переехали в другую камеру. Свежую, после ремонта. Эта камера также без стекол. Наверняка при +25 это здорово. Но в условиях наступающей зимы это сомнительное удовольствие. Ну а погода – это испытание, через которое надо пройти.

Удачная ли была неделя? Не уверен, что это верный вопрос. Неделя была в бытовом плане неплохой. В плане жизни появилось понимание, что когда бы я ни вышел, начинать надо будет все с нуля. Готов ли я к этому? Это все равно, что сказать самому себе – слабо?

Буду концентрировать все силы для этого: буду стараться сохранить то, что возможно, а далее – все с удесyтеренной силой. Главное сохранить отношения, силы и здоровье.

Окружение здесь, как в пионерском лагере – веселое, но месяца-двух достаточно, чтобы достало это. Общаться не с кем.

Каждый день накатывает грусть.

Нас четыре человека: три убийцы и я

15.09.08.

Сегодня очередной раз общался с местным оперативником. Наши встречи проходят 2 раза в неделю. Я охотно обсуждаю все вопросы в нужном мне русле, ничего не пишу, стараюсь подвести его к обсуждению нейтральных тем.

Мне задается вопрос: «Ну что, подумали?». Я отвечаю – «Да, готов рассказать Вам о компании Х и ее акционере С. (это заказчик моего дела) все, что знаю преступного, а также о том, с кем меня этот С. познакомил, в том числе и с теми людьми, о которых Вы мне задаете вопросы».

Опер смотрит в свои записи. «У меня, – говорит, – про этого С. ничего нет. Подожди, – говорит, – я должен это уточнить».

Следующая встреча начинается со слов, что ему этот С. не интересен, а надо говорить лишь об одном человеке, М. Я задаю вопрос – так все же, что Вас и для чего интересует. Опер злится, говорит, что об этом много раз уже говорил – нужны мои показания, что М. преступник. Как только эти показания оказываются у опера, этот М. сразу заезжает в тюрьму, а я выхожу.

«Позвольте, – говорю я, – но Ваша сделка нечестная, даже если Вы найдете в моих словах состав преступления, он, М., обладает иммунитетом и по любому сюда не заедет». Опер смотрит в свои бумажки, удивляется, но встреча опять заканчивается.

Очередная встреча начинается с нового предложения – я просто пишу, а меня просто выпускают под подписку о невыезде. Дальше, говорит опер, суд решит.

Хорошо, – говорю, – начну рассказ с того, что известно мне из прессы – в середине 90-х годов у М. работал некто Френкель, обвиняемый в организации убийства Андрея Козлова. Но М. его уволил, так как Френкель баловался обналичкой.

Тут опер переходит на другую тему – знаю ли я, сколько стоит обналичка сейчас. Я подробно рассказываю ему, что дешевле и проще платить 13 % подоходного налога и получать доход официально. И так далее. За обсуждением разных вариантов налоговых оптимизаций проходит еще час, наше время истекло. Встреча снова закончилась.

На сегодняшней встрече мне выдали официальный бланк чистосердечного признания. «Ну, – говорят, – пиши». «Постойте-ка, – говорю, – мы же говорили не о чистосердечном признании, а о некой интересующей Вас информации». «Да, – отвечает опер, – но других бланков у нас нет. Давайте, пишите здесь». «Нет, – говорю, мы так не договаривались». «Тогда пиши на чистых листах бумаги». Я предлагаю написать краткий перечень интернет-сайтов, где можно почитать об этом человеке в десятки раз больше, чем может быть известно мне. Опер понимает, что наш разговор возвращается к началу, злится, но время вышло. Меня пора вести в камеру.

Вечером из нашей камеры переводят последнего подследственного, сидящего по экономической статье. Вместе с ним уезжают холодильник и TV. Вместо него забрасывают 24-летнего паренька из Рязани, по статье 105 (убийство). Нас четыре человека. Три убийцы и я.

За 85 000 руб. оперчасть забыла обо мне навсегда

18.09.08.

Сегодня меня повезли в суд на продление меры пресечения. В отличие от первого суда, куда меня возил тюремный спецназ, сейчас заказчик сэкономил, и меня повезли на обычном автозаке вместе со всеми «судовыми». Это была ошибка заказчика, так как я смог по дороге познакомиться с давно сидящим по экономической статье бывшим сотрудником администрации президента. Этот, более опытный и старший человек (48 лет), был рад встретить нормального собеседника (равно как и я). У нас было много времени, чтобы поговорить. Дело в том, что всех «судовых» выводят из камер в 7–7.30 утра и закрывают на общую сборку. Часов в 10–10.30 автозаки начинают развозить по судам. В судах попадаешь опять на сборку, далее, по приезду в тюрьму (часам к 7–8 вечера), опять попадаешь на сборку часов до 23–24. Все это время мы общались. Алексей, так зовут моего нового знакомого, рассказал, как можно обустроить быт в тюрьме, и взялся мне помочь в этом. Естественно, не бесплатно. За те же деньги он решит и ряд своих проблем.

19.09.08

Сегодня меня перевели в камеру Алексея! Нас в камере 3 человека (камера 4-местная). Расположена она в самом современном корпусе Бутырки – «Большой Спец». В камере есть стекла (даже двойные рамы), горячая вода, душ, мобильный телефон. Я подробно рассказал Алексею о своих проблемах с оперчастью. Он взялся решить этот вопрос, сделав ряд телефонных звонков.

Цена вопроса оказалась более чем скромная – порядка 85 000 рублей, из них 30 000 наличными. Ноутбук, обогреватели масляные (несколько штук) и канцтовары для оперчасти. После этого обо мне оперчасть забыла навсегда.

Списки прихожан утверждает лично начальник тюрьмы

27.09.08

Сегодня я впервые попал в Бутырскую церковь. Архитектором храма являлся Михаил Казаков, однако от его архитектуры мало что осталось. В советское время церковь была перестроена под дополнительные камеры и больничку (которая функционирует до настоящего времени). Лишь в 1990-х годах началось ее восстановление.

Впервые в жизни я исповедался и причастился. Из 2100 заключенных, содержащихся в Бутырке, в храм выводят не более 25–30 человек. Нет возможности выводить больше народу, списки подписывает лично начальник тюрьмы.

Меня включили в список на постоянной основе. Службы будут проходить 2 раза в неделю по понедельникам и пятницам. Посещение храма, беседа со священником (не исповедь, а разговор по душам) очень ценны здесь.

Конвой исполняет ресторанный заказ, добавляя комиссию

15.10.08

У моего сокамерника Алексея подходит к концу суд. Он содержится под стражей больше двух лет. В камере есть практически все, что нужно для нормальной жизни. Очень важны щипчики для подстригания ногтей. До этого мне ногти приходилось обрезать лезвием от бритвы, что само по себе не очень удобно. Есть в камере аппарат для измерения глюкозы (глюкометр), якобы необходимый по решению врача. Но этот аппарат используется исключительно как часы, которые в нем тоже есть.

У Алексея есть справки о плохом самочувствии – поэтому нам приносят спецдиету – творог и вареные яйца. Из бутылок из-под воды, заполненных солью, Алексей сделал гантели, связав несколько таких бутылок между собой.

Я впервые нашел сокамерника, с которым могу играть в шахматы. Я играю с нашим третьим сокамерником, Александром. Он бывший сотрудник Альфа-банка, программист. Придумал, как снимать деньги с чужих кредитных карточек. Играем с ним по 2–3 партии в день.

Главное – есть, с кем общаться.

Алексей, собираясь в суд, не берет с собой продукты. Это показалось мне странным, ведь в суде предстоит провести минимум 6, а то и 8 часов, из которых само заседание длится не более полутора-двух часов. Он объясняет мне, что давно договорился о нормальных условиях содержания на судебной «сборке» (т. е. камере, где подсудимый проводит время в ожидании суда и после суда в ожидании автозака). Вокруг Тверского суда много разных ресторанов и кафе. Он заранее заказывает сотрудникам милиции, осуществляющим его конвой внутри суда, из какого кафе или ресторана он хотел бы пообедать и чем. Они исполняют заказ, добавляя свою комиссию.

Внутри тюрьмы также удалось наладить поставку «вольных» продуктов, которые не принимаются через официальную передачу: морепродукты, рыба, макароны, супы в пакетах.

За 1000 руб. тюремный врач примет в любое удобное для вас время

28.10.08

За полтора месяца, что я нахожусь в нормальной камере, мною сделаны наблюдения о работе ряда сотрудников СИЗО, которые могут быть интересны с точки зрения понимания местной специфики и дальнейших событий.

Медицина здесь очень своеобразная. В принципе, каждую неделю приходит доктор и интересуется самочувствием. Это самое большое, на что может рассчитывать обычный арестант. Сокамерник как-то попросил таблетки от температуры – выдали анальгин, при этом аргумент, что больше ничего нет – неубиваем. Я попросил у доктора ваты, доктор теперь старается обходить меня стороной.

Интересно происходит запись на прием к стоматологу. Арестант пишет заявление на прием к врачу и передает его старшому. Старшой опускает заявление в специальный ящик стоматолога. Врач периодически просматривает заявления (раз в неделю) и сам решает, в какой очередности вызывать пациентов и вызывать ли вообще. Не существует какой-либо системы контроля. От врача можно услышать – «Этот уже два месяца записывается, достал», или «Приятное имя – надо вызвать». Исключение составляют случаи, когда есть деньги (в тюрьме официально запрещено иметь наличные). За 1000 рублей врач примет вас в любое удобное для вас время.

То же касается и так называемых диет. Как я уже писал, это дополнительный набор бесплатных продуктов, которые можно получать вдобавок к баланде и запрещенных к официальным передачам: как правило, это творог и вареные яйца. Можно предоставить кучу справок, что у Вас гастрит или СПИД, но чтобы гарантировано получать диету, надо платить 500 руб. в месяц в качестве абонентской платы за здоровье. При этом условии необходимость в справках отпадает сама собой.

Вообще, наличие коррупции в тюрьме – это единственный способ выжить и сохранить здоровье, так как в массе своей всем на тебя плевать.

Воспитатели – сотрудники тюрьмы, которые должны помогать арестантам обустроить быт: получать газеты, передавать TV, помогать оформлять доверенности, записывать желающих помолиться в храм. На практике им бессмысленно предлагать деньги, чтобы они ускорились, так как это все равно не поможет.

Подписку приносят обычно сразу недели за три (чтобы не ходить часто). Очень удобно читать: получается сокращенный вариант «Войны и мира». Если не напоминать про наличие у вас на складе TV каждый день, то он может дойти до камеры недели через две-три.

Доверенность: если она нужна срочно – забудьте. Месяц-полтора – самый быстрый срок.

В храм некоторые арестанты попадают после записи в течение 6 месяцев. Единственный человек и аргумент, который придает ускорения воспитателям – прямое указание начальника тюрьмы.

Старшой – человек, непосредственно отвечающий за арестанта. Именно старшой открывает и закрывает камеру. Его задача – следить за тем, чтобы арестанта вовремя накормили, сводили в душ (здесь это называется баня), в камере был свет и вода, арестант был жив и здоров.

На практике, от взаимоотношения со старшим зависит ежедневный быт арестанта. «Буксующие» или «газующие» граждане, то есть крайне взрывные арестанты, живущие по блатным понятиям, которые ненавидят всех людей в форме, обычно общаются со старшими

через «твою мать». В ответ они получают трехэтажные ответы. Но стоит перегореть лампе или потечь крану – мастер может идти неделю. А можно общаться по-доброму. Старшие – люди небогатые, многие питаются тюремной баландой, поэтому, подкармливая старшего шоколадом, угощая хорошими сигаретами, разговаривая на Вы, можно добиться ответного доброго отношения. По первому требованию будут приходить представители технических служб. Старшой сам начинает предлагать дополнительные услуги: спирт, продукты, которые нельзя получать через официальную передачу (пельмени, сардельки, рыбу); телефоны. Старшой закрывает глаза на то, что, несмотря на отбой (это 22.00), у вас в камере будет работать TV. Если старшой увидит у вас телефон, приобретенный не у него – не проблема. Тысяча-две рублей – и говори дальше (тариф безлимитный). Нормальный старшой поднимает за смену 2–3 тысячи рублей (официальная зарплата – порядка 15 тысяч рублей). Дежурства у них сутки через трое. Так что отношениями он сам будет очень дорожить. Они станут почти партнерскими. Когда у старшего будет соответствующая информация, то он не только предупредит о возможном обыске камеры, но и унесет главный запрет – телефон.

Сокамернику предложили сделку: сдай 2 млн евро и выйдешь через 2 года

07.11.08

Сегодня вечером меня перевели в другую камеру. Камера находится в том же, новом крыле тюрьмы, которое называется Большой Спец. У меня три сокамерника. Как они мне сказали, это личная камера начальника тюрьмы. Это означает, что все проверки приходят именно сюда, чтобы посмотреть на образцовый порядок.

Один мой сокамерник, по имени Макс, сидит уже три года. Он в прошлом крупный чиновник, член партии «Единая Россия». Имеет государственные награды. Он был арестован так же, как и я, в офисе. Обвинение – получение крупной взятки за полтора года до того. Он посмеялся, будучи уверенным в торжестве закона, представил в суд, который избирал для него меру пресечения, поручительства двух уважаемых российских политиков, и был арестован. Такая же ситуация, как со мной. Суд на это не обращает внимания, как и на государственные награды. Макс рассказал мне интересную историю про мой арест, невольным свидетелем которой он стал. Макса привезли в Тверской суд для продления его срока содержания под стражей 31 июля 2008 года (в этот день тот же суд санкционировал мой арест). Срок, естественно, продлили, и он поинтересовался у старшего, с которым, как и у Алексея, у него был налажен ресторанно-гастрономический контакт, скоро ли повезут назад в Бутырку. Ответ был таков: «Сейчас привезут некоего бизнесового типа (он назвал полностью мои ФИО), чтобы арестовать, так вот как только его арестуют и увезут, то сразу приедут за Вами». Фантастика – старшой в звании прапорщика, как оказывается, знает не только мою фамилию, но и результат суда, который еще не состоялся.

Так вот, когда Макса арестовали, он все равно не унывал, понимая абсурдность обвинений. От него хотели одного – чтобы он сдал своих начальников, видимо, их места кому-то приглянулись. Я спросил у Макса – как можно предъявить взятку через полтора года? На каком основании? Оказывается – элементарно. Основной свидетель обвинения – бабушка божий одуванчик из дома напротив офиса Макса. Оказывается, что она в свои 70 лет с 5-го этажа видела, как Макс в своем кабинете на 12 этаже здания напротив получает 2 млн евро. Поражают зрительные способности бабушки и ее память, а главное, возможность отличить евро от, например, швейцарских франков. В суде для Макса запросили 12 лет строгого режима. Строгий отличается от общего в плане быстрого освобождения тем, что если общий – УДО по половине срока, а строгий – через две трети. То есть он значительно дольше.

Максу предложили сделку: ладно, хрен с ними, с твоими начальниками, выдавай нам деньги 2 млн евро и выйдешь через 2 года. Макс совершил ошибку и деньги выдал.

Вначале все было как обещали: дали не 12 лет строгого режима, а 4 года общего. То есть теоретически через 2 года он действительно мог выйти. Однако господа следователи почувствовали запах денег. За некоторое время до УДО следователи возбудили против Макса еще одно уголовное дело по взятке и привезли в Москву для нового следствия, где мы и познакомились. На этот раз Макс проявил принципиальность. Ему даже удалось обвинить одного из следователей в вымогательстве, того даже арестовали. Но машина работает, а Макс сидит, и будет сидеть.

Как мне пояснил Макс, да и мои адвокаты тоже, до ареста заинтересован в результате, как правило, только заказчик. После же ареста – еще и следователь, и прокурор, так как в случае твоего оправдания им придется нести ответственность за некачественную работу, что может повлечь лишение хлебного места. Поэтому на стадии суда подключается вся сила

бюрократической машины. А с бюрократической машиной воевать бесполезно. Надо менять оператора машины, а кто ж его поменяет, если он свой, да и денег заносит согласно графику.

Второй мой сокамерник тоже по экономической статье. Как и у многих здесь, у него свой бизнес. Его зовут Д. Его история очень проста. Он купил некий интересный актив и стал им управлять. Через какое-то время компания Х предъявила его компании У в арбитражном суде иск о возврате части купленного им актива. Как выяснилось позже, компания Х с продавцом актива тесно связана и обладает хорошей информацией о состоянии дел в компании У. И вот, незадолго до рассмотрения дела в арбитражном суде, генерального директора и владельца компании У арестовывают. Далее к нему приходит следователь и намекает, что перспектива его уголовного дела будет целиком зависеть от итогов заседания арбитражного суда.

Наш четвертый сокамерник бывший десантник, прошел Чечню. У него разбой, хотя в карточке арестанта записано «воровство». Как я уже писал, разбойников и убийц должны содержать отдельно от остальных арестованных. Но наш десантник человек хороший. Элита десантных войск – разведка, москвич и просто приятный парень. Мы не против его нахождения с нами. А потом, кто же должен держать «дорогу»?

«Дорога» – это система межкамерной связи, официально, естественно, запрещенная. «Дорога» представляет собой толстую веревку, которой соединяются через окна соседние камеры. Налаживается и работает дорога после отбоя и до подъема. У дороги три основные задачи – связь между подельниками и согласование позиций; управление тюрьмой со стороны воров и смотрящих посредством написания «прогонов» и «курсовых»; взаимопомощь (еда, медикаменты, кипятильники и др.). Дорога – это еще и средство обычного человеческого общения, когда друзья сидят в других камерах, а вокруг тебя – тишина.

Первое, что просит убрать подальше генерал, – это книги

11.11.2008

Сегодня прошел обыск, изъяли мобильный телефон, столовые приборы – ножи, вилки и металлические ложки, сырые яйца из холодильника (сырые яйца тоже считаются запретом здесь).

12.11.08

У нас все Ок. Мы все восстановили. С утра пораньше встали, сварили яиц, порезали ножом, сверху намазали майонезом. Единственное, что не успели, так это достать из холодильника красной икры (страшный запрет здесь), которая зашла Максу. Нас позвали на прогулку. Пошли втроем. Дэн, так зовут нашего товарища-десантника, после бессонной ночи на «дороге» спал. Работы у него много. Несколько дней назад в нашу камеру загнали общак, так что ему приходится отправлять по дороге не только малявы, но и чай, сигареты... и другое содержимое общака в другие камеры.

Возвращаемся – Дэн в шоке. Говорит, что заходил какой-то мужик в штатском, с ним еще несколько человек, а начальнику тюрьмы места в камере не хватало – так он стоял в коридоре. Дэн успел своей широкой спиной закрыть натюрморт, но, говорит, мужик обещал вернуться.

Через полчаса выясняется, что мужиком оказался начальник управления Федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН) по г. Москве генерал Давыдов. Его визит в нашу камеру связан с тем, что завтра, 13.11.08, в Бутырку должен приехать министр юстиции Швеции с сопровождающими его официальными лицами.

Давыдов пришел в сопровождении своих замов и нашего оперативника, который также является заместителем начальника тюрьмы по оперативной работе, подполковник Г. Цель визита – выявить недостатки перед визитом министра.

Первое, что просит убрать подальше г-н Давыдов, это мои книги. На мой логичный вопрос – почему? – следует логичный ответ: будут задавать вопросы, откуда в тюрьме такие хорошие книги. А на место книг, предложил он, поставьте продукты: соки, мармелад и т. д., чтобы видели, как вас здесь хорошо кормят. «Продукты ж нам передают родственники, – заметили мы, – к УФСИНу это не имеет отношения», «Ничего страшного, это никого не будет интересовать», – ответил он.

Далее, – говорит, – вам вместо вашего личного постельного белья (разрешенного к передаче) выдадут новое местное – поспите пару ночей на нем, и т. д. и т. п. Комичность ситуации придал его вопрос, адресованный нашему оперативнику: а есть ли в камере запрещенные предметы? Он уверенно ответил: нет, ведь в камере только вчера был обыск и много чего было изъято, включая сырые яйца. На этих словах Давыдов открывает холодильник и видит – сырые яйца! Вопрос у него к нам один: как вам это удастся? Мы разводим руками и спрашиваем, а почему мы должны жить по правилам, установленным в 1995 году, и что плохого в сырых яйцах? Ответ один – не положено. «Обращайтесь к своим друзьям-депутатам, пускай они вносят в законы соответствующие изменения, а мы будем исполнять». Мы решили дискуссию не развивать, хотя было интересно выяснить, почему создание человеческих условий содержания под стражей должно быть заботой арестованных, а не руководства соответствующей федеральной службы. Тем более что Россия и так не удовлетворяет требованиям большинства европейских конвенций в этой области. А мы же часть Европы, мы, по идее, должны соответствовать. Хотя после общения с нашими судами, которые пле-

вать хотели даже на постановления пленумов Президиума Верховного суда РФ, разъясняющих, что арест может быть применен лишь в крайних случаях, должен быть обоснован не общими фразами, а конкретными фактами, свидетельствующими о возможности подозреваемого скрыться – чего здесь говорить. Возникает параллель с романом Быкова «ЖД», который я сейчас читаю – хазары и варяги. Причем понятно, кто есть кто.

«Получена установка – положенцем в Бутырке грузин не будет»

13.11.08

К нам в камеру с проверкой зашел начальник Федеральной службы исполнения наказаний генерал Калинин. Посмотрев на меня, задал один вопрос: «Такой приличный человек, а в тюрьме. Что Вы здесь делаете?». Я ответил, что и сам не знаю.

18.11.08

Сегодня на «сборке», то есть небольшой камере (они есть в разных частях тюрьмы), где собирают арестантов из разных камер после суда, встреч с адвокатами, свиданий и т. д. для того, чтобы развести вместе по своим камерам, встретил парня по имени В. Он сидит в Бутырке на так называемом «воровском продоле» (коридоре). Это наиболее изолированная часть тюрьмы, которая не имеет с другими корпусами «дорог», то есть системы межкамерной связи, состоящей из привязанных между камерами веревок. («Дорога» используется в основном для того, чтобы подельники, сидящие в одной тюрьме, могли списаться друг с другом; и для управления тюрьмой со стороны воров, положенцев и смотрящих, так как все прогоны, курсовые и обращения от них доводятся до арестантов по «дороге»; и для передачи по «дороге» разных насущных вещей – сигареты, чай, кипятильники и т. д.).

Открыть дверь в этот коридор имеет право офицер не ниже дежурного помощника начальника следственного изолятора (или ДПНСИ). Содержат здесь в основном воров, наиболее «идейных» уголовников, которые не хотят соблюдать правила поведения в тюрьме, установленные администрацией, а стремятся жить, как им кажется, по воровским понятиям. А еще там содержат просто людей, в том числе бизнесменов, которых нужно максимально отрезать от внешнего мира и создать невыносимые бытовые условия. Здесь самые маленькие в тюрьме камеры и нет даже теоретической возможности подключить горячую воду.

В. – бизнесмен, сидел в нормальной камере. У него была масса вопросов к администрации тюрьмы, которые он никак не мог решить (ему слишком долго несли газеты, порой 3 недели, на прогулку водили на 30 мин вместо положенного часа и т. д.). Он стал писать жалобы, и в результате угодил на «воровской». Я интересуюсь у него, что интересного происходит на «воровском», на что он отвечает мне, что вскоре должна быть массовая акция – голодовка. Но он ее не поддержит потому, что все это «блатное движение» крайне смешно. Я спрашиваю – почему.

Оказывается, что во время предыдущей голодовки в тюрьму приезжали представители надзорного органа – прокуратуры. Их повели по камерам, которые расположены на «воровском». У прокуроров был один вопрос: почему голодаете? У «блатных» был, как правило, один ответ: «Смотрящий сказал, вопросы к нему». А то, что здесь не соблюдаются очень многие требования закона об условиях содержания под стражей и просто гигиенические нормы – об этом они в массе своей не говорили. В. задается вопросом – ну и зачем поддерживать такие бессмысленные массовые акции, направленные скорее на приобретение дополнительного авторитета у «блатных авторитетов», чем на решение реальных вопросов?

В этой связи надо отметить, что за «блатное движение» в тюрьме в отсутствие вора отвечает положенец, назначенный воров. Или смотрящий, выбранный братвой. Это только на первый взгляд независимая, то есть параллельная форма власти в тюрьме. На самом же деле, по крайней мере, в Бутырке, «блатное движение» находится под полным контролем администрации и служит инструментом управления массами уголовников. Любопытны два факта: недели за три до сегодняшнего разговора с В. в Бутырку приезжала некая Еврокомис-

сия, группа проверяющих из Евросоюза. За несколько дней до их приезда положенец централа пустил курсовую, что такая-то комиссия приезжает и принято решение ей ни на что не жаловаться. А кто ослушается, тот будет наказан за это по всей строгости.

Второй эпизод – разговор, свидетелем которого я стал несколько дней тому назад. Разговор состоялся между представителем администрации и арестантом. Арестант интересовался у представителя администрации, когда же, наконец, поднимут с «воровского продола» только что назначенного положенца Бадри в общую камеру, чтобы он мог нормально управлять блатной массой, так как делать это, находясь на «воровском», невозможно. Представитель администрации был неумолим: «Получена установка – положенцем в Бутырке грузин не будет». Это должен быть русский человек. Арестант просил, чтобы начальник тюрьмы принял Бадри и поговорил с ним, так как он разумный человек и все-таки назначен ворами. Ничего, говорил представитель администрации, назначат другого. Нам, к примеру, подходит Ш.

Все так и получилось. Во избежание внутреннего конфликта Бадри был переведен в изолятор «Матросская тишина», а тот же вор, который назначал Бадри, новым положенцем назначил именно г-на Ш., о котором я ранее слышал от представителя администрации.

Через полтора года следствие определилось, в чем меня обвинить

27.11.08

Сегодня ко мне приезжали следователи, чтобы предъявить мне обвинение. Это, конечно, цирк! Следствие по делу началось в июле 2007 года. Наконец к 10 ноября 2008 года следствие определилось, в чем точно меня обвинить. При этом следствие очень сильно рассчитывало, что я дам признательные показания при предъявлении мне обвинения. Как я понимаю, основных способов убеждения меня было два.

Первый, официальный, исходил напрямую от следователя. Она даже приходила ко мне в СИЗО в середине октября – без адвокатов, только в присутствии майора (сейчас уже подполковника). На мое предложение – позвонить адвокатам по телефону, так как они только что были у меня и ушли, следователь ответила, что разговор короткий и не стоит. Мне стало любопытно, что следствие придумало на этот раз – и я согласился ее послушать. Следователь заявила, что я могу выйти под подписку о невыезде, если в РФ приедет и даст показания С.К., мой предполагаемый поделщик. На этом месте у меня возник огромный вопрос в адекватности следователя. Во-первых, как я, лишенный средств связи (по крайней мере, по мнению следствия), смог бы связаться с С.К., оставаясь в тюрьме? Следователь предложила доверить этот разговор кому-либо из адвокатов. Тоже спорный момент. Кто бы стал доверять словам чужого человека, тем более в вопросах личной безопасности? Сам я навряд ли бы стал, да и любой на его месте. Во-вторых, каковы были для С.К. гарантии безопасности, под которыми я понимаю его свободу? Следователь отметила, что его гарантии – это ее слово офицера. Учитывая, что ее слова становились все менее адекватными, я счел это предложение издевкой.

Как следователь считает возможной гарантию, полученную из уст третьего человека, при том, что человек (то есть я), на кого ссылается посредник (он же адвокат), мило сидит себе в тюрьме?

Я отметил, что если следователь действительно хочет узнать истину, то лучшей гарантией свободы для С.К. и адекватности его реакции на мои слова будет моя свобода в любой форме – подписка о невыезде или иное. Следователь ожидала такой реакции, истина ей была, на мой взгляд, не интересна. Я только не понял, зачем она приходила. Она считала, что может вот так вот развести? Возможный смысл ее визита я уловил в последнем вопросе – «Как Вам Ваши условия содержания?» Я ответил, что очень плохие. Я попросил у нее помощи в возможном улучшении условий содержания и получил стандартный ответ – это не в наших силах. Мы из разных ведомств.

Как ни печально, одна из адвокатских команд, меня защищавших, работала, как оказалось, совместно с заказчиком. Они говорили мне: как только следствие будет закончено и Вам предъявят обвинения, есть шанс, очень большой шанс, что Вас выпустят под подписку, так как повлиять на свидетелей и помешать завершению следствия Вы не сможете. Я думаю, что это чистой воды разговоры в пользу бедных, скорее направленные на то, чтобы ускорить сроки следствия за счет спешки с окончательным предъявлением обвинения. Эта версия удобна адвокатам, чтобы гнать дело в суд, а не бороться за каждую запятую на стадии следствия путем подачи жалоб, ходатайств и иных действий, которые бы реально свидетельствовали о работе адвокатов. А брать на себя функции Кашпировского – вот будет так – не их (адвокатов) работа.

Второй способ убеждения был неофициальный. Как я уже рассказывал, началось это еще в конце августа – это шантаж и угроза. То, что я переехал в новую камеру (тогда еще к

Алексею), избавило меня от недружественного общения со стороны представителей администрации тюрьмы. Но это вовсе не означало конца усилий оперов из МВД по моему прессингу. Через несколько дней после моего переезда меня вызвал человек, которому я был обязан переводом в новую камеру и определенной защитой. «Послушай, – сказал он, – твой опер из МВД не унимается. Я буду тебя защищать, мне не нужны неприятности в тюрьме. Но имей в виду: они просят, чтобы мы тебя прессанули. В разговорах с ними говори, что у тебя все плохо, и проси о помощи. Твою камеру курирую я, не беспокойся – все будет ОК. Но меня по выходным не бывает, если будут ЧП – пускай твой сокамерник найдет способ поставить меня в курс».

Я спросил, зачем играть, просить о помощи. Мне ответили – чтобы у оперов было убеждение, что идет работа в нужном русле. Так как какие у них связи на более высоком уровне и не захотят ли они перекинуть тебя на другой централ, мы не знаем.

Мой новый знакомый глядел как в воду – по поводу выходных и ЧП. Через некоторое время, в выходные, меня попытались перекинуть в камеру к представителям горских народов, которые стали проявлять излишнюю осведомленность в моем деле. Но к счастью, это было воскресенье, а в понедельник меня перевели обратно. Впоследствии меня несколько раз выводили из камеры и закрывали одного на «сборке» часа на 3–4. Мой новый знакомый сказал мне, что таким образом он скрывал меня от эмвэдэшних оперов, когда получал информацию, что они хотят приехать пообщаться. В общем, меня никто не трогал, но вокруг была разведана бурная деятельность.

После встречи с госпожой следователем я рассказал моему новому знакомому наш разговор с ней – в части ее возможной помощи в улучшении моих условий. Его очень удивил ее ответ, что они ничего не могут. Он задал риторический вопрос: «Зачем же они тогда приезжают и просят об обратном – сделать условия невыносимыми?».

Так вот, когда после всех этих действий, 11 ноября 2008 года, ко мне приходила помощник следователя, бабуля, прикомандированная из-под Нижнего Новгорода, и предъявила мне обвинение по статье 159 части 4, она очень рассчитывала от меня получить показания (признательные). Когда же я, сославшись на статью 51 Конституции РФ, дающую право не свидетельствовать против родственников и себя, заявил, что показания буду давать только в суде – это явилось неожиданностью для следствия. И следствие поступило импульсивно, как бы говоря – не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. За две недели был найден новый состав преступления, ст. 174 через 30-ю, попытка легализации. И вот сегодня мне было предъявлено обвинение уже в новой редакции. Предъявлял его майор, который уже не ждал никаких показаний.

Удивляет одно – «оперативность» и «качественность» следственной бригады, которая за полтора года нашла в моих действиях состав преступления по одной статье УК, но двух недель хватило, чтобы найти еще одну статью. Я думаю, что если бы следствие не было ограничено временем (сроки уже поджимали), мне могли бы предъявить еще пару статей УК.

Спасибо коррупции: сокамернику удалось вставить стекла на зиму

01.12.08

Зима началась с того, что нашу камеру раскидали. Дэна перевели в общую камеру, а Макса перевели на Малый Спец, где до этого сидел я. Нам дали возможность помочь Максиму перенести вещи и посмотреть, в каких условиях он будет жить. Камера оказалась ужасной. Она была похожа на камеру, в которую меня поместили в начале моего пребывания здесь, только она была еще меньше. Здесь не делался ремонт вот уже лет 20 (очень давно), и здесь не было оконных рам!!! Одни решетки. Это зимой-то.

08.12.08

Максу удалось поставить окна в своей камере – не прошло и недели. Конечно, путем коррумпирования людей, отвечающих за это. (Что было бы в тюрьме без коррупции? Не знаю – плохо было бы очень). Все это время Макс жил в камере в верхней одежде, в том числе и спал. Одновременно с ним в камеру перекинули парня из соседней с нами камеры. Незадолго до перекидки я видел, как этого парня уводил для разговора сотрудник оперчасти. Я предупредил Макса об этом. В результате уже на следующий день Макс остался в камере один, технично избавившись от стукача.

Дело было так. Утром он стал расспрашивать нового сокамерника о том, откуда он и т. д. Между прочего, Макс спросил его, знает ли тот, что в тюрьме, особенно сокамерникам, нельзя врать – и что за это бывает. Сокамерник ответил утвердительно. Тогда Макс спросил, общался ли его сокамерник перед перекидкой в эту камеру с сотрудниками оперчасти, а если общался, то, какое задание от них получил. Сокамерник уверенно ответил, что не общался. Тогда Макс назвал ему имя оперативника, с которым общался его сокамерник, и время (за несколько часов до перекидки). Сокамерник Макса испугался и стал «ломиться» из камеры, то есть стучать в дверь («тормоза») и требовать перевести его из этой камеры. Дальнейшее пребывание сокамерника Макса в нашей тюрьме будет не столь комфортным, как раньше. Он стал «ломовым». Это считается очень плохо. Ты должен всегда находить контакт со своими сокамерниками. «Сломившись» один раз, ты попадаешь в любой другой камере на самое плохое место и делаешь самую черную работу. Здесь считается, что раз человек «сломился», значит, он не может устанавливать нормальный контакт в коллективе. Раз не может установить контакт, значит, у него есть где-то проблема – либо он стукач, либо просто неадекватный человек. Никто не будет разбираться в нюансах. Один раз сломался – и к тебе приклеивается ярлык, «ломовой». Поэтому, если нормальный человек попадает в ненормальные условия (как Макс или я несколькими месяцами ранее), то единственный способ улучшить свое положение – добиться официального перевода из камеры в камеру, что решает руководство тюрьмы.

Причина ухудшения условий – месть коллег арестованного милиционера

09.12.08

Сегодня получили маляву от Макса. Стали проясняться причины его резкого перевода. Официально ему вменили в вину «поддержку блатного движения» в тюрьме. В нашей камере находился общак. Но мы знали, что все так называемые «блатные» охотно идут на контакт с администрацией и их «движение» по этому поводу не трогают. Ведь тот же общак нужен, прежде всего, тем, кто уезжает на этап, но не имеет возможности получить передачу от родственников или близких. Или, наоборот, для тех, кто только заехал, но абсолютно гол. В общем, основная функция общака – социальная, то есть поддержка малоимущих.

Причина была в чем-то другом, общак – это предлог. Максусу стало известно, что за несколько дней до его перекидки сотрудники СК ГП РФ арестовали по заявлению Макса действующего сотрудника правоохранительных органов, занимавшегося вымогательством у Макса денег. Видимо, основная причина перекидки – это месть коллег арестованного сотрудника.

Макс также отписал, что в соседнюю с ним камеру на Малый Спец заехал мой бывший сокамерник Алексей, но ситуация у него намного хуже. В четырехместной камере их пять человек, двое из которых больны СПИДом. Спят по очереди.

Причина очень проста. Алексей, договариваясь об условиях своего содержания здесь, сделал ставку на нормальные договоренности с сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний по г. Москве, без учета мнения и интересов местных руководителей. В результате, когда ему светил реальный шанс уехать в карцер за найденный у него при обыске мобильный телефон (третий за месяц), он попытался не договориться с местной администрацией, а прогнуть их через руководство. При этом допустил ошибку. Он обвинил представителей местной администрации в вымогательстве у него денег (на мой взгляд, вещи спорной). Он обвинил во всем второго человека в тюрьме, зам. начальника тюрьмы по оперативной работе. В результате он получил в его лице серьезного врага. Мне сложно это как-то комментировать.

Итог для Алексея плачевен: в карцер он не попал, а поехал на Малый Спец и был вычеркнут из списка арестантов, которых выводят в храм.

Нас не нагонят

20.12.08

На протяжении последних дней я знакомился с материалами уголовного дела, возбужденного против меня. Следствие не успевало уложиться в сроки и очень сильно подгоняло как меня, так и адвокатов. В частности, нижегородская бабушка, прикомандированный следователь, перешла к прямым угрозам в адрес моего адвоката. В день, когда мой адвокат должна была приехать ко мне для закрытия дела, у нее был судебный процесс. Выйдя из суда и включив телефон, она обнаружила больше 15 звонков бабушки-следователя. А когда они созвонились, то следователь напрямую заявила о возможности уголовного преследования моего адвоката – в случае, если она не представит справок, что была занята.

Естественно, никто не стал мне изменять меру пресечения. Как говорит в таких случаях мой друг Макс, «нас не нагонят» (нагнать – то есть отпустить на местном жаргоне).

В тюрьме не чувствуется дыхания кризиса, но видна вся фальшь чиновников

25.12.08

Макс после приема у начальника тюрьмы (хозяина по местному наречию) переехал обратно на Большой Спец, в соседнюю камеру! Его опала практически закончилась. К сожалению, нам не дали объединиться, но мы можем общаться посредством «дороги». К большому сожалению, у Алексея дела не сдвинулись с мертвой точки. Ему удалось, договорившись с сантехником, изобразить в камере потоп. Вечером вода заполнила весь пол камеры по щиколотку. Они всю ночь провели в воде. Утром на проверке Алексей попросил перевести его в другую камеру, так как эта залита водой. Ему предложили взять в руки тряпки и вычерпать всю воду. При этом добавили: по твоему, мол, поводу есть специальные указания; даже если у тебя в камере будет пожар, то ты вытрешь стены от копоти и все равно будешь оставаться в этой камере.

Это живая иллюстрация того, что какие бы высокие связи ни были у арестанта, а с местными начальниками не надо конфликтовать. Они всегда смогут обосновать, почему делают то и то, всегда смогут спрятать тебя на сборку или в другую камеру перед любой проверкой. В конце концов, просто закроют в прогулочном дворике, пока проверяющие не уедут.

Провожу все свободное время за чтением газет и книг. Вообще, я обратил внимание, что пресса здесь воспринимается совсем иначе, чем на воле. Наличие на воле интернета не так сужает информационное поле. Здесь же есть только TV, по которому вот уже который месяц крутят «кризисанет». В этом смысле газеты – это глоток свежего воздуха. Газеты заставляют шестеренки в голове крутиться быстрее. Читаются они здесь тоже совсем по-другому. В первую очередь внимание обращается на аналитические статьи, мнения экспертов, макроэкономические показатели, лишь потом – на текущие события. Текущие события интересны постольку-поскольку, так как мы все равно здесь. Гораздо интереснее получить возможность самостоятельно проанализировать ситуацию, спрогнозировать события. Времени здесь предостаточно.

Газеты здесь получают далеко не многие, их передают из камеры в камеру – как, наверное, в свое время самиздатовские издания. Газеты читают и пытаются осмысливать происходящие вокруг события не только арестованные по экономическим статьям, но и разбойники (ст. 162), воры (158) и другие. Я приведу полностью, с сохранением особенностей орфографии, маляву, полученную по «дороге» от одного разбойника-рецидивиста. «Александр, надеюсь ты в добром здравии и хорошем расположении духа. Всем, кто близок по духу, слова добрые в сердца от души. Братуха, у меня есть к тебе просьба в том плане, быть может у тебя есть возможность и ты имеешь в наличии какую-нибудь прессу, имея ввиду газеты, журналы или, быть может, кроссворды. Общенья как такового не хватает, чувствую, что мозг атрофируется. Память становится плохая. Без информации мозг перестал уже нормально работать. Будь проклят кто век от века тюрьмою хочет исправить человека. Братуха, башню уже начинает подрывать, тут еще в Библии Книгу проповедника Екклесияста прочитал. Короче мозги скоро вскипят. Как не хочется стать дибилом, это и грузит. Ну да ладненько, дай Бог, чтобы и тебе тоже здоровым остаться и чем быстрее мы будем на воле, тем лучше».

А вот выдержки из сообщения (малявы), которую я получил от одного человека после прочтения посланных мною газет. «Прочитал первое честное мнение о нашем ТВ, в котором отмечалось, как все СМИ не заметили бунтов в Приморском крае и кризиса. Может быть, наконец, скоро девиз «Да здравствует Путин!» сменится на «Ребята, давайте работать» (Хотя многие сочтут это призывом работать в ФСБ). Кризис в кошельках, кризис в

умах, что четко видно на примере Бутырки. Не только у униженных и оскорбленных зеков проблемы – болезнь стукачества (особенно в известных нам камерах), но и в головах людей, присматривающих за нашей сохранностью, дай Бог им здоровья».

Надо отметить, что все, кто читает в тюрьме прессу, настроены крайне оппозиционно к действующей власти. Здесь не чувствуется дыхание кризиса, но видна невооруженным глазом вся фальшь чиновников, которые убеждают, что все под контролем. От этого становится как-то жутко, неужели все настолько плохо!

В Новый год у меня самое теплое одеяло на централье

31.12.2008

Скоро Новый год. Новогоднее настроение пока не ощущается. Мы в камере вдвоем. Незадолго до ужина моему сокамернику сказали собирать вещи, будут переводить в общую камеру. Пришли и за мной. Долго вели по темным коридорам, пока не очутились в небольшом помещении, где было тепло и очень светло. Налили стакан вина – стали провожать старый год, закусили, чем Бог послал. Получил новогодние подарки от жены, которые в силу погоды были особенно кстати – теперь у меня самое теплое одеяло на централье.

Перед Новым годом, часа за два, в камеру закинули двух новых ребят. Их перевели из общей камеры. Так что новый год будем встречать втроем.

Самое приятное в этом празднике здесь – это возможность позвонить. Праздник прошел тихо, по-трезвому.

В Бутырке телефонов больше нет, поэтому отключили глушилки и стало лучше слышно

02.01.09

Чувствую, что дыхание кризиса начало проникать и в эти стены. Сегодня старшой по дороге в баню стал интересоваться перспективой роста курса доллара и ценой барреля нефти в 2009 году. На мой вопрос – зачем – он ответил, что уже стало тяжело. Он хочет знать, когда уже будет лучше. Я отвечаю, что, по моему мнению, будет только хуже. Доллар подползет к 40 рублям, а баррель не будет подниматься выше. Для старшого это был шок. Куда же хуже, спросил он сам у себя. Меня поразила информированность старшого, не хватало только вопросов об индексе Доу-Джонса и ценах на тройскую унцию золота.

09.01.09

Сегодня был очередной обыск. Нашли телефон, а зарядку нет. Предположили, что мы заряжаем телефон через телевизор?! Отключили горячую воду, так как «не положено». Без горячей воды становится прямо как в тюрьме – холодно.

10.01.09

Вызывали в оперчасть, мы заранее договаривались, что один из моих сокамерников «возьмет» телефон на себя, так как это один из основных запретов в тюрьме. Можно легко угодить в карцер. Так и сделали. Вот только опер стал угрожать моему сокамернику, говоря, чтобы тот сдал того, чей телефон, так как в нем нашли наркотики и это статья. Сокамерник не сдался. Мой – и все. Через несколько часов меня привели к замначальника тюрьмы по оперативной работе, с которым конфликтовал Алексей. Поговорили по душам. Я еще раз напомнил ему о несоответствии законов реалиям жизни и духу времени, а также о несоответствии многих условий содержания здесь даже этим законам. В частности, что очень много людей здесь, в тюрьме, в том числе среди моих бывших сокамерников, имеют разрешения судов на телефонные звонки. Однако в тюрьме нет технической возможности обеспечить данную норму, что ущемляет права заключенных. В конце разговора мой собеседник, г-н Г. сказал: признайся, это же твой телефон нашли у вас в камере. Мне не нужно отправлять тебя в карцер – мне нужен канал, по которому телефоны попадают в тюрьму. Я ответил, что если его подчиненные перестанут говорить глупости и угрожать моим сокамерникам, то я готов буду лично сказать, что да, телефон мой, но канал я не выдам, пока технические возможности тюрьмы не будут соответствовать нормам закона (в области телефонных звонков). А когда эти нормы будут выполнены, у меня не будет причин заносить телефоны. В общем, договорились, чтобы у меня больше телефон не находили, тогда и вопросов не будет. А этот эпизод забыли. Хороший, нормальный для меня вариант, с учетом того, что 26.12.08 у меня уже изъяли один аппарат прямо из кармана брюк. То есть я уже должен был получить два карцера. Но нормальные человеческие отношения сделали возможным жить нормально. Конечно же, телефоном я буду пользоваться, но гораздо аккуратнее.

Официально в Бутырке телефонов больше нет. Что самое приятное, это стало причиной отключения глушилок – а стало быть, стало гораздо лучше слышно.

Вечером в камеру зашли вызванные мною сантехники. Формальный повод для вызова – протечка раковины. Я поинтересовался у них, почему отключили воду. Они опустили глаза в пол, сказали, что приказ. Я спросил, сколько времени потребуется, чтобы воду включить? Ребята ответили мне, что наверху идет ремонт камеры и сколько времени уйдет на это, они не знают. Тогда я задал более конкретный вопрос – сколько? – Блок «Парламента». – Хорошо,

говорю, договорились. А когда вода будет? Ребята сказали – часа через два сделаем. Сделали, не обманули.

Не договорились с генералом по долларам

18.01.09

Сегодня по дороге на суд я познакомился с бизнесменом Л. Он сидит здесь столько же, сколько и я, и статья та же, 159 часть 4. Я спросил – что не поделили? Да вроде, говорит, все делили. С М. не договорились (это генерал МВД) по долларам. Я посчитал, что платить не нужно вообще, а мне сейчас пытаются объяснить обратное. В общем, я пожелал ему удачи, а он мне.

* * *

Сегодня у меня день рождения. Мой друг Макс сделал мне отличный подарок – возможность поговорить с женой по телефону. Вот окончание одного из местных поздравлений мне: «Тюремное братство, хоть это и странно звучит среди нормальных людей, делает отношения чистыми. Желаю тебе крепкого здоровья, это твое самое главное богатство».

Настроение подпортило сообщение жены, что заказчик моего дела обещал посадить и ее, если она будет стараться каким-то образом мне помочь.

Визит Первого канала и Общественной палаты: «У вас все должно быть хорошо»

28.01.2009

Каждый день, прожитый в тюрьме – это «День Сурка». С утра до ночи и с ночи до утра все повторяется изо дня в день: проверка, завтрак, прогулка, и т. д. и т. п. Ночью – «дорога»: переписка с друзьями и просто арестантами. Поэтому когда в течение дня происходят какие-либо события, будь то приход адвокатов, выход в церковь или что-нибудь еще, это всегда вызывает положительную реакцию, так как появляется хоть что-то новое. Даже периодически возникающие проверяющие «сверху» вызывают неподдельный интерес, а в большинстве случаев они стимулируют затухающее чувство юмора.

Вот и сегодня один из таких дней. Тормоза (дверь в камеру) открылись где-то в 8.30, часа за полтора до прихода проверки. На пороге майор службы режима. «Ну что, – говорит, – ребята, сегодня будет проверка, поэтому приведите в камере все в порядок. Прежде всего, снимите бельевую веревку». Далее, как обычно, следует просьба убрать книги куда подальше, а на видное место поставить продукты. Через некоторое время в камеру заходит уже подполковник, замначальника тюрьмы по режиму. Его взгляд останавливается на решетке: непорядок, говорит он. Надо снять с решетки пакеты с продуктами. Я пытаюсь объяснить, что в камере нет холодильника, и продукты могут испортиться. Он сдается – придет за пять минут до проверки, тогда точно нужно будет все убрать, а пока пусть висят. Следующим в камеру заходит и.о. начальника тюрьмы (начальник в отпуске, на моей памяти пятый раз за полгода), он же наш оперативник. «Какие ко мне вопросы?», – интересуется он с традиционной скукой. Я объясняю, что без холодильника сложно. Он начинает меня уговаривать: все, мол, будет хорошо, если не говорить о холодильнике проверяющему. Не понимаю я смысла в потемкинских деревнях. Ну да ладно, посмотрим.

Проверяющий офицер оказался не единственным посетителем нашей камеры на сегодня. Он осмотрел камеру, остался доволен: чистенько, говорит. «Ну что, к вам сейчас придет ТВ и представители Общественной палаты. Они будут задавать вам вопросы: у вас все должно быть хорошо. Если на что есть жалобы – говорите лучше мне и сейчас все решим». По выражению его заплывшего жиром лица – да и по опыту – понятно, что решать он ничего не будет. Главное – не ударить в грязь лицом перед ТВ и Общественной палаткой.

Перед уходом взгляд офицера останавливается на нашем шкафчике для продуктов. Дело в том, что, так как мы вынуждены были убрать книги в сумку для хозтоваров, то мы были вынуждены эти хозтовары – в основном туалетную бумагу, рулонов 20 – выставить наверх шкафа. Это не дело, говорит – туалетную бумагу надо тоже убрать. Мы говорим, что можем убрать ее только в шкаф для продуктов, так как других свободных мест в камере нет. Про себя думаю: здорово, если «общественная» проверка поинтересуется качеством нашего питания и откроет шкафчик для продуктов.

Телевидение (Первый канал) зашло после обеда. Впереди представитель Общественной палаты – женщина, похожая на учительницу начальных классов. И вопросы, как в начальных классах. Складывается впечатление, что ответы на них она знает заранее, а задает вопросы исключительно для камеры, в смысле телевизионной камеры. Как дела, хорошо ли кормят? Я отвечаю за всех. Говорю чистую правду. Кормят очень хорошо, так как родственники делают передачи. Поэтому с качеством пищи местной столовой ознакомиться пока не было возможности. На прогулки выводят, в храм тоже (мне вообще грех на это жаловаться, так как выводят чаще остальных). То, что в камере очень холодно, не производит ни на кого никакого впечатления. Не возникает и вопросов, где мы храним эти самые продукты, кото-

рые нам передают родственники. Никто не спрашивает, как мы сушим вещи, а также как умудряемся открывать окно, на котором нет ни одной ручки. Зато «госпожу педагога» очень интересует, есть ли у нас настольные игры и какие книги мы читаем. Я показываю роман Дмитрия Быкова «ЖД». Мне говорят – очень хорошо, видимо, даже не понимая, что за книгу я держу перед телекамерой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.